
І. РУКОВОДИТЕЛИ ПЕРВЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ КАНЦЕЛЯРИЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

«И ПО ИЗСЛЕДОВАНИЮ О НЕМ... КАЖНЕН СМЕРТИЮ, РОЗСТРЕЛЯН»: КНЯЗЬ М. И. ВОЛКОНСКИЙ

1717 года декабря 8 дня в городе Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич, примостившись за наклонной канцелярской конторкой, потянулся за пером. На тонкую, голландской выделки бумагу чуть наискось легли прерывисто начертанные государем строки: «За неправой суд и преступления... бывшей маеор от гвардии Волхонской... завтрашнего числа, то есть в 9 день будет каженен смертию на большой площади перед канцеляриями. Сей указ объявляетца для ведения народу»¹. Кто же такой был «бывшей маеор от гвардии Волхонской»? И отчего объявление о его предстоящей казни взялся самолично писать будущий Отец Отечества император Петр Великий?

Сегодня личность «маеора от гвардии Волхонского» возможно идентифицировать с полной уверенностью. Приведенные строки государева указа трехсотлетней давности подвели смертную черту в судьбе разжалованного майора гвардии Семеновского полка князя Михаила Ивановича Волконского.

Обреченный на публичную казнь М. И. Волконский являлся выходцем из знатной, многократно ветвившейся фамилии, родоначальником которой считался черниговский князь Михаил Всеволодович, принявший мученическую смерть за приверженность православию в 1246 году в Золотой Орде и впоследствии причисленный к лику святых. Ко времени установления единодержавия Петра I князья Волконские занимали вполне прочные, хотя и не самые выдающиеся позиции в российской правительственной среде. Достаточно сказать, что на протяжении XVII века

79 (!) представителей рода сумели выслужить «московские» чины, войдя в состав привилегированного круга «царедворцев»².

Самым известным представителем фамилии времен Московского царства явился Федор Федорович Волконский (единственный в роду удостоенный чина боярина) — видный администратор и военачальник, особенно прославившийся как руководитель героической обороны крепости Белой Смоленского уезда* во время русско-польской войны 1632—1634 годов. Федор Федорович оставил заметный след и в истории отечественной юриспруденции, став одним из составителей проекта Уложения 1649 года, акта всеобщей кодификации российского законодательства, сохранявшего юридическую силу почти 200 лет. Наряду с этим имевший очевидную склонность к интеллектуальным занятиям князь Ф. Ф. Волконский подготовил небольшой Летописец (до сих пор, увы, неопубликованный), в котором описал наиболее значимые события своей долголетней службы³.

Согласно наиболее авторитетному в части генеалогии князей Волконских труду Г. А. Власьева, будущий гвардии майор Михаил Иванович был единственным сыном стольника И. Ф. Волконского от брака с Дарьей Ивановной⁴, родопроисхождение которой осталось донныне непроясненным. Не удалось к настоящему времени установить также время и место рождения М. И. Волконского. Исходя из обстоятельств его биографии, можно лишь предположить, что князь Михаил появился на свет в конце 1660-х — начале 1670-х годов.

Достоверно известно, что Михаил Иванович имел сестру Анастасию, состоявшую в первом браке с В. И. Леонтьевым, а во втором — с В. И. Чаадаевым⁵, 1669 года рождения, гвардии капитаном, участником основных кампаний Великой Северной войны, ставшим затем полковником и главой администрации Вятской провинции⁶. Поскольку Василий Чаадаев являлся многолетним сослуживцем М. И. Волконского по Семеновскому полку, возможно предположить, что Михаил Иванович сосватал сестру (судя по всему, рано овдовевшую в первом замужестве) за полкового товарища. О том, что Михаил Волконский относился к сестре вполне заботливо, свидетельствует тот

* Ныне город Белый, административный центр Бельского района Тверской области.

факт, что при вступлении княжны Анастасии Ивановны в 1701 году в первый брак он выделил ей в качестве приданого из своего имущества долю во владении четырьмя деревнями⁷.

О семейной жизни самого М. И. Волконского удалось выяснить, что в августе 1691 года он женился на Татьяне Борисовне, урожденной княжне Солнцевой-Засекиной, с которой прожил до конца дней. Детей у четы Волконских не было⁸.

Что касается родителей Михаила Ивановича, то Иван Волконский скончался уже в 1687 году, завещав сыну все свои имения. А вот княгиня Дарья Ивановна пережила мужа более чем на 30 (!) лет. Как явствует из архивных документов, Д. И. Волконская здравствовала еще в 1728 году⁹.

По имущественному положению М. И. Волконский являлся не особенно богатым землевладельцем. В конце жизни он владел 1785 четвертями земли со 122 крестьянскими дворами, разбросанными по разным уездам Центральной России¹⁰.

Благодаря материалам, собранным Г. А. Власьевым, представилось возможным опровергнуть поныне расхожую версию, что братом Михаила Волконского являлся князь Г. И. Волконский (Григорий меньшой Иванович) — известный государственный и военный деятель начала XVIII века, дослужившийся в армии до полковника и ставший затем обер-комендантом Ярославской провинции и сенатором «первого призыва». В действительности князь Григорий Волконский принадлежал совсем к другой ветви рода, будучи сыном стряпчего И. Т. Волконского¹¹.

Подобно многим другим представителям фамилии, М. И. Волконский начал карьеру с придворной службы.

Документально известно, что с 1686 по 1694 год он состоял в чине стольника при дворе царицы Прасковьи Федоровны¹², супруги царя Ивана V, соправителя Петра I в 1682—1696 годах. Однако далее в судьбе молодого стольника произошел крутой поворот.

Вместо Кремля Михаил Иванович оказался в солдатском строю, будучи зачислен в учрежденную Петром I Семеновскую потешную роту, получившую название от места первоначальной дислокации в подмосковном селе Семеновском. В 1693 году рота была переведена в Москву, в специально отстроенные деревянные дома на берегу реки Яузы, напротив Немецкой слободы. Эти ротные дома положили начало Семеновской слободе столицы¹³.

Согласно опубликованному документу полкового архива, в 1695 году при переформировании потешной роты в Семеновский полк — один из первых двух полков российской гвардии — М. И. Волконский состоял уже в «начальных людях», имея чин поручика¹⁴. При этом, судя по сохранившимся автографам М. И. Волконского, в отличие от многих однополчан он вполне свободно владел русским письмом, расписываясь связно и размашисто. Да еще неизменно выводя под начертанием фамилии нечастый для тех времен декоративный вензель.

В то же время из проясненных на сегодняшний день обстоятельств биографии Михаила Ивановича следует, что он не попал в число офицеров полка (из вчерашних стольников), командированных в январе 1697 года в образовательную поездку в Западную Европу¹⁵.

Фактологическую информацию о начальном периоде военной службы М. И. Волконского пока обнаружить не удалось. Весьма фрагментарными оказались и выявленные сведения, относящиеся к периоду 1700—1710-х годов.

Между тем уже первый, бесспорно установленный эпизод участия Михаила Волконского в боевых действиях мог с большой долей вероятности стать для него последним. Дело в том, что М. И. Волконскому было суждено оказаться в самом пекле одного из кровопролитнейших сражений Великой Северной войны — штурме шведской крепости Нотебург* (Nöteborg), бывшего русского Орешка.

Ранним утром 11 октября 1702 года десантно-штурмовые партии, размещенные на лодках в миле от Нотебурга, получили сигнал к атаке. Сигналом этим послужил троекратный залп из пяти мортир, который еще и вызвал в крепости сильный пожар¹⁶. Преодолевая быстрое течение, с двух сторон к острову ринулось множество лодок. Однако гарнизон не дрогнул.

Штурм бывшего Орешка продолжался 13 (!) часов. Узкое береговое пространство у крепостных стен чрезвычайно затрудняло маневр атакующих. Приготовленные штурмовые лестницы оказались коротки. Обе стороны сражались с невероятным ожесточением и упорством. В итоге два приступа были отбиты.

На третий приступ штурмовые колонны, сформированные из новой партии гвардейцев и «охотников», повели

* Ныне город Шлиссельбург Ленинградской области (в 1944—1992 годах — Петрокрепость).

подполковник Семеновского полка князь М. М. Голицын и майор Преображенского полка Д. К. Карпов. Этот приступ оказался решающим. Как емко сформулировал Петр I в собственноручно вписанных в победную реляцию строках, «неприятель... видя последнюю отвагу, тотчас ударил шмад*»¹⁷.

По сведениям шведской стороны, решение сдать крепость комендант Густав Шлиппенбах (Gustav Wilhelm von Schlippenbach) принял по настоянию офицеров гарнизона, которые сочли, что невозможно «далее обороняться от столь крупной силы». Высказанное майором Хансом Лейоном (Hans Georg Leijon) предложение взорвать крепость было отвергнуто¹⁸, хотя, учитывая имевшийся запас пороха, осуществить это было вполне реально¹⁹. Соглашение о капитуляции Нотебурга было подписано 12 октября 1702 года. К вечеру этого дня в проломах крепостных стен были выставлены первые российские караулы²⁰.

Взятие крепости обошлось более чем дорогой ценой. Согласно официальной реляции, безвозвратные потери российских войск составили 564 солдата и офицера, санитарные — 968. Особенно значительные утраты понес гвардии Семеновский полк: 105 убитых и 191 раненый²¹. Погибшие гвардейцы были погребены на территории крепости в братской могиле, над которой был насыпан небольшой курган²². Указанное захоронение сохранилось до наших дней.

Падение Нотебурга имело далеко идущие последствия. Наиболее ярко об этом высказался архимандрит Гавриил Бужинский. В проповеди, говоренной 11 октября 1719 года, в очередную годовщину взятия крепости, известный своей ученостью и красноречием архимандрит между иного возгласил: «Се то начало мужества вашего, воинство российское! Се семя всех побед и торжеств твоих, Россие! ...Ключ сей отверзл море Балтийское... Ключ сей основание царствующаго С[анкт]-Питербурха»²³. Да и сам Петр I сходным образом выразился в собственноручно начертанном письме царице Екатерине Алексеевне от 11 октября 1718 года: «Сим ключем много замков отперто»²⁴.

В самом деле, взятие Нотебурга явилось как прологом к скорому основанию будущей столицы имперской России, так и первым из череды тех мощных ударов, которые менее

* Сигнал о готовности к капитуляции, подававшийся барабанным боем. Калька с французского *chamade* — вызов на переговоры.

чем через десятилетие привели к необратимому крушению шведского великодержавия в Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии. Не случайно Петр I, переименовав крепость в Шлиссельбург (что являлось калькой с немецкого Schlüsselburg — Ключ-город), впоследствии превратил дату ее взятия в один из первых праздников российской воинской славы²⁵. Сам он старался отметить праздник на месте боев, с завидной регулярностью посещая крепость²⁶. Последний раз император Петр Великий побывал в Шлиссельбурге 11 октября 1724 года, за три с половиной месяца до кончины²⁷.

Подробиностей участия во взятии Нотебурга Михаила Волконского установить к настоящему времени почти не удалось. С какой именно десантно-штурмовой партией он высадился под вражеским огнем на узкую береговую полосу; карабкался ли со шпагой в руке по грудам осыпавшихся камней к пролому в стене или же взбирался по шаткой лестнице на четырехсаженную крепостную стену; где сражался, когда шведский барабанщик ударил шамад, — все эти детали скрыты во мраке истории.

О том, как князь Михаил Иванович пережил день 11 октября 1702 года, достоверно известно лишь два обстоятельства. Первое заключается в том, что М. И. Волконский не получил под Нотебургом ни царапины²⁸, а второе — что за участие в штурме он был произведен из капитан-поручиков в капитаны²⁹, став в результате ротным командиром.

Повышение в чине позволяет с уверенностью предположить, что 11 октября Михаил Иванович находился в самой гуще боя. Учитывая, что старшие офицеры гвардейских полков сами штурмовали стены и проломы*, участие подчиненных во взятии крепости оценивалось ими отнюдь не по письменным донесениям, а по личным впечатлениям. И офицера, который отсиживался где-то у подножия стены, в мертвой зоне обстрела, или же шел на приступ в последних рядах, укрываясь за солдатскими спинами, никто не стал бы представлять к повышению.

А с очевидными трусами на той войне и вовсе не церемонились. Немногие солдаты, которые, дрогнув, бежали

* В этом смысле показательны потери, понесенные старшими офицерами гвардии во время штурма. В Семеновском полку из двух майоров погиб один — Кондратий Елизарович Мейер. В Преображенском полку из трех майоров один — Давыд Гаст — погиб, а другой — Дмитрий Кузьмич Карпов — был тяжело ранен.

из-под стен Нотебурга (в их числе оказалось и 12 гвардейцев, включая прапорщика Преображенского полка Нестора Кудрявцева), понесли суровую кару. Их сначала прогнали сквозь строй, потом заплели им лица, а затем повесили напротив крепости³⁰.

Следующая осадная операция в Ингерманландии была предпринята российским командованием весной 1703 года. Целью операции являлось взятие крепости Ниеншанц (Nyenskans)*, расположенной у впадения реки Охты в Неву.

Крепость эту осведомленный Густав Адлерфельд охарактеризовал как «маленькую и очень плохо укрепленную»³¹. Располагавшийся на правом берегу Охты под защитой крепости некогда процветавший город Ниен (Nyen), основанный в 1632 году, был полностью сожжен шведами еще в конце октября 1702 года в ожидании атаки российских войск после падения Нотебурга³².

Осада Ниеншанца не затянулась. После неполных суток (!) бомбардировки комендант И. Аполлов (Johan Apolloff) заявил о готовности сдать крепость «на аккорд». 1 мая 1703 года было заключено соглашение о капитуляции³³. На следующий день комендант торжественно поднес генерал-фельдмаршалу Борису Шереметеву на серебряном блюде ключи от крепости³⁴.

Незамедлительно переименовав Ниеншанц в Шлотбург, Петр I затем пришел к выводу, что крепость неудобно расположена и не имеет стратегического значения³⁵, в связи с чем приказал сровнять ее с землей. Так что вскоре поблизости от пепелища Ниена появились развалины Ниеншанца³⁶. Сегодня место, где некогда возвышались бастions и валы шведской крепости, находится в районе Красногвардейской площади Санкт-Петербурга.

Принимая во внимание, что Семеновский полк был переброшен под Ниеншанц в полном составе, возможно полагать, что М. И. Волконский принял участие в осаде и этой крепости. Бесспорно известно иное. Спустя неделю после падения Ниеншанца гвардии капитану Михаилу Волконскому довелось вновь оказаться в гуще боя. По сравнению со штурмом Нотебурга несравненно более скоротечного, но не менее ожесточенного.

Началось все с того, что в апреле 1703 года шведская Ладожская флотилия завершила зимовку. Загрузив запасы

* В российских документах начала XVIII века крепость именовалась Канцами или Новыми Канцами.

провианта, пива и воды, девять судов флотилии под командованием вице-адмирала Гидеона Нумерса (Gideon von Numers) 28 апреля вышли из Выборга. 4 мая флотилия подошла к устью Невы, где стала на якорь³⁷.

Поскольку Г. Нумерс еще не знал о падении Ниеншанца (организация войсковой разведки у шведов явно оставляла желать лучшего), он направил шняву «Астрильд» и бот «Гедан» вверх по Неве для промеров глубин в ее южном фарватере. Вечером 7 мая шнява и бот встали на якорь у южной оконечности острова Хирвисаари (Hirvisaari)*, неподалеку от устья Фонтанки. Несмотря на то что шведы уже несколько раз наблюдали с кораблей движение групп российских солдат как по берегу, так и на лодках, они не озаботились провести наземную разведку прибрежной зоны. Между тем российские разведывательные дозоры отслеживали все перемещения шведских судов в дельте Невы самым внимательным образом.

В этой ситуации Петр I принял вполне логичное решение атаковать «Астрильд» и «Гедан», столь беспечно заплывшие вглубь территории, где уже не оставалось ни одного шведского солдата. Впрочем, несмотря на очевидные просчеты, допущенные вице-адмиралом Гидеоном Нумерсом, проведение подобной атаки было сопряжено с немалым риском.

Во-первых, основные силы флотилии находились совсем неподалеку и могли достаточно быстро подойти к месту боя. В этом случае небольшие лодки, имевшиеся в распоряжении российского командования, были бы мгновенно потоплены огнем шведской корабельной артиллерии вместе с находившимися на их борту абордажными партиями.

Во-вторых, и «Астрильд», и «Гедан» отнюдь не являлись легкой добычей. Согласно шведским архивным документам, «Астрильд» был вооружен шестью орудиями, в том числе четырьмя однофунтовыми (то есть имевшими калибр 50,8 миллиметра), а «Гедан» — шестью однофунтовыми³⁸ (по российским данным, на «Астрильде» было и вовсе 10 пушек, а на «Гедане» восемь³⁹). Численность экипажа «Астрильда» составляла 34 человека, «Гедана» — 25 человек. Кроме того, как показали дальнейшие события, на борту судов находилось некоторое количество солдат. И моряки, и солдаты располагали всеми видами личного оружия — от мушкетов до абордажных мечей.

* Ныне — Васильевский остров Санкт-Петербурга.

Атака на шведские корабли была предпринята близ полуночи 7 мая с двух сторон. Одна флотилия лодок вышла на «Астрильд» и «Гедан» из-за нынешней стрелки Васильевского острова, другая — со стороны Фонтанки⁴⁰. Иными словами, абордажный бой разгорелся почти напротив нынешнего Зимнего дворца Санкт-Петербурга.

Несмотря на внезапность атаки, «Астрильд» и «Гедан» успели сняться с якоря и попытались отплыть в сторону устья Невы. Команды кораблей успели дать по меньшей мере несколько залпов из пушек и мушкетов по приближающимся лодкам (по выражению реляции, «непрестанная по нашим была пушечная и из мелкого ружья стрельба»⁴¹). Когда же бой развернулся уже на палубах, командиры обоих судов приказали их взорвать. Однако исполнить приказ смогли лишь на «Астрильде», который после подрыва пороховых зарядов на корме раскололся на две части и опустился на грунт⁴².

На этом бой, продлившийся около получаса, завершился. 58 шведских моряков и солдат погибли (большей частью, вероятнее всего, при взрыве «Астрильда»), 19 попали в плен⁴³.

Что касается Михаила Волконского, то он атаковал шведские корабли в составе большой команды семеновцев, занявших 12 лодок. Пока не удалось установить, в абордаже какого именно судна участвовал князь Михаил Иванович, но известно, что в ходе боя он получил ранение⁴⁴. Общие потери Семеновского полка в сражении 7 мая составили 20 человек убитыми и 53 человека ранеными⁴⁵. Учитывая, что находившиеся на «Астрильде» и «Гедане» орудия малых калибров перезаряжались достаточно быстро, а стрельба велась на малых дистанциях, следует предположить, что основные потери атакующие понесли, пока сближались с противником.

Петр I был чрезвычайно воодушевлен успехом абордажной операции 7 мая 1703 года. По существу она явилась первой морской победой в истории России⁴⁶.

В ознаменование победы будущий император приказал изготовить памятные медали (в золотом и серебряном исполнении) с рельефным изображением боя и надписью «Небываемое бывает. 1703». Золотыми медалями на цепях были награждены офицеры, участвовавшие в операции, малыми серебряными — солдаты и сержанты⁴⁷. Нет никаких сомнений, что в числе лиц, удостоенных золотой медали, был и гвардии капитан М. И. Волконский.

Не прошло и десяти дней после сражения 7 мая, как семеновцам довелось принять участие еще в одном исторически значимом мероприятии, правда, на этот раз — не боевом.

В числе иных воинских частей Семеновский полк был переброшен на бывший шведский остров Люст-эйланд*, где 16 мая 1703 года состоялась закладка крепости святого Петра. Иными словами, основание города Санкт-Петербурга (получившего имя, правда, несколько позже — 29 июня⁴⁸). Работами по возведению новой крепости семеновцы занимались до 12 июня⁴⁹.

Можно предположить, что в те дни среди однополчан находился и князь Михаил Волконский. В этом случае остается констатировать только непостижимый изгиб судьбы: Михаил Иванович присутствовал при возникновении того самого города, в котором ему было суждено быть казненным.

Дальнейшая военная стезя М. И. Волконского прослеживается по выявленным на сегодня документам весьма и весьма пунктирно. Известно, что летом 1704 года он участвовал в осаде Нарвы** — наиболее мощной и современной крепости в шведской Эстляндии (Svenska Estland), осада которой продлилась дольше и сложилась тяжелее, чем Нотебурга⁵⁰.

Еще в ходе осадных работ, по неполным данным, только убитыми Семеновский полк потерял семерых солдат⁵¹. А 23 июля при смене траншейного караула пулей, выпущенной с бастиона Виктория, был сражен подполковник Преображенского полка Д. К. Карпов⁵², герой штурма Нотебурга, сумевший выжить после тяжелого ранения, полученного 11 октября 1702 года. По распоряжению царя Дмитрий Кузьмич был с воинскими почестями погребен в Санкт-Петербурге⁵³.

Штурм Нарвы состоялся после полудня 9 августа 1704 года. На этот раз штурмовым партиям не пришлось, как при Нотебурге, преодолевать водную преграду, штурмовые лестницы были изготовлены надлежащим образом, в крепостных стенах зияли бреши, а у бастиона Гонор 6 августа обвалился целый фас (участок оборонительной ограды) с парапетом и всей артиллерией⁵⁴, и все же приступ по ожесточенности не уступил нотебургскому.

* Исходное финское название Яниссаари (*Jänissaari*), ныне — Заячий остров Санкт-Петербурга.

** Ныне город Нарва (Narva) уезда Иду-Вирумаа Эстонской Республики.

Не случайно 28-летний майор Семеновского полка князь Б. И. Куракин «пред тем приступом исповедывался и причастился Святых Таин»⁵⁵, то есть духовно приготовился к смерти.

В отличие от ситуации в Нотебурге комендант Нарвы генерал-майор Г. Горн (Henning Rudolf Horn) до последнего момента не желал капитулировать. И лишь когда атакующие уже прорвались в город и растеклись по его улицам, Геннинг Горн, укрывшийся в цитадели, приказал выставить белый флаг и ударить шамад (по версии российской реляции, комендант «сам кулаком в барабан бил»⁵⁶). Однако кто бы ни ударял в барабан, ни о какой почетной капитуляции речи уже не шло⁵⁷.

Как написал впоследствии участник штурма князь Борис Куракин, «и взяли город одними шпагами за три четверти часа»⁵⁸. Так пала шведская твердыня на южном берегу Финского залива.

Победа досталась, однако, дорогой ценой. Многознающий Густав Адлерфельд писал (хотя и с очевидной долей преувеличения), что пространство перед стенами крепости было «покрыто телами погибших [русских солдат]»⁵⁹. Семеновский полк, колонна которого атаковала тот самый бастион Гонор, потерял 9 августа 37 человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести⁶⁰, а также 58 человек ранеными⁶¹.

Гвардии капитан М. И. Волконский второй раз оказался в числе раненых. Согласно документу полкового архива, князь Михаил Иванович «на приступе был с лестницами... и ранен в левое плечо пулею»⁶². И пуля эта была вовсе не шальная.

Согласно «Ордиру* фелтмаршала, как на штурм кому идти», бережно сохраненному Б. И. Куракиным, 9 августа капитаны должны были возглавить штурмовые группы, состоявшие либо из 30 гренадер, либо из 30 солдат с боевыми топорами⁶³. Указанный состав свидетельствует о том, что они являлись ударными группами, шедшими впереди штурмовой колонны.

Сведений о том, какую именно ударную группу повел за собой М. И. Волконский, выявить пока не удалось, но все они 9 августа 1704 года находились на острие атаки. Благодаря свидетельству Бориса Куракина, вполне объяснимым становится и тот факт, почему из шестерых офицеров-се-

* То есть приказа.

меновцев, получивших ранения при штурме, пятеро являлись капитанами⁶⁴.

Следующее документальное известие, касающееся Михаила Волконского, относится уже к сражению под Добрым (при Молятичах*) 30 августа 1708 года. В ходе этого двухчасового боя группировка российских войск под командованием героя штурма Нотебурга генерал-майора князя М. М. Голицына нанесла поражение шведскому отряду генерал-майора барона Карла Рооса (Carl Gustaf Roos). Потери Семеновского полка составили 74 человека убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести⁶⁵ и 195 человек ранеными⁶⁶ (в числе которых были шестеро офицеров).

По поводу М. И. Волконского в полковых документах было кратко отмечено: «На баталии ранен в правое плечо»⁶⁷. Это было третье и последнее ранение князя Михаила Ивановича. Вероятнее всего, из-за незажившей еще раны он не принял участия в знаменитой битве при Лесной** 28 сентября 1708 года⁶⁸, в которой был разгромлен шведский корпус А. Левенгаупта (Adam Ludwig Lewenhaupt), а Семеновский полк понес самые большие потери за все первое столетие своего существования.

Но вот в следующем году гвардии капитану М. И. Волконскому было суждено оказаться участником еще более значимого события — Полтавской битвы. Вместе с тем полковая ведомость «Афицеры ж, которые были на королевской баталии у Полтавы», составленная 7 ноября 1709 года⁶⁹, стала последним выявленным на сегодня документом об участии Михаила Волконского в боевых действиях. Неизвестно, довелось ли князю Михаилу Ивановичу побывать с полком в Прутском походе 1711 года, а также когда именно царь произвел его в гвардии майоры.

Как бы то ни было, в 1713 году майор Семеновского полка М. И. Волконский получил неординарное высочайшее поручение, весьма далекое от полей сражений и ставшее для него роковым.

Дело в том, что, поголовно зная всех гвардейских офицеров, Петр I начал привлекать их для выполнения задач совсем не строевого характера. Гвардейцы стали направляться с ди-

* Ныне агрогородок (белор. *Маляцічы*) в составе Молятичского сельсовета Кричевского района Могилевской области Республики Беларусь.

** Ныне Лясная — агрогородок в составе Лопатичского сельсовета Могилевской области Республики Беларусь.

пломатическими и разведывательными миссиями за рубеж, организовывать трудовые и воинские мобилизации, контролировать деятельность ряда высших должностных лиц⁷⁰.

Неудивительно, что в начале 1710-х годов царь решил привлечь гвардейцев еще и к участию в уголовном судопроизводстве.

25 июля 1713 года в канцелярии царя Петра Алексеевича в числе иных документов был подготовлен — причем с изрядным нарушением бюрократических канонов — «Указ маеору от гвардии Волконскому», в котором ему предписывалось произвести следствие о «худых поступках» архангелогородского обер-комиссара Д. А. Соловьева.

Как явствует из сохранившегося в архиве подлинника документа, уже в полностью оформленный и подписанный царем указ — прямо поверх высочайшей подписи (!) — было внесено дополнение, которым «маеору от гвардии Волконскому» предписывалось также расследовать еще и эпизоды о «взятках и других обидах жителям» со стороны устюжского комиссара С. М. Акишева. Кроме того, Петр I собственноручно вписал в раздел документа, относящийся к Дмитрию Соловьеву, фразу: «И буде дойдет до пытки, пытать»⁷¹. В тот же день указ был заново переписан набело и повторно скреплен монаршей подписью⁷².

Так необычно подготовленный именной указ от 25 июля 1713 года явился актом об учреждении первой в истории отечественного государства и права следственной канцелярии, положившей начало развитию специализированных органов следствия России⁷³.

К появлению столь значимого именного указа привела достаточно длинная череда событий.

Началось все с того, что Федор Протопопов, Сила Смольников и Иван Оконнишников, представители фискальской службы в Великом Устюге⁷⁴, 28 августа 1712 года подали в Правительствующий сенат доношение о бесчинствах подьячих и солдат, направленных в Устюжский уезд комиссаром С. М. Акишевым для взыскания недоимок. Согласно сведениям, добытым фискалами, подчиненные Семена Акишева вели себя как ничем не стесненные иноплеменики, завоевавшие устюжские края силой оружия.

Как извещали фискалы, «они, подьячие и солдаты, приехав... и указов соцким* не объявя, быют без милости

* То есть сотским, выборным должностным лицам органов местного самоуправления.

и тиранскими муками мучат: вешают в дыбы и на козле (особый станок для телесного наказания. — *Авт.*) плетми свинцовыми бьют и огнем страшат. И в церковной трапезе батожьем и на козле бьют ругательски руки и ноги и зубы ломают. И многих жен за власы волочили и нагих девиц водили, также многих жен блудным воровством сильно бесчестили». Сам комиссар обвинялся в потворстве бесчинствам подчиненных, а также вымогательстве взяток⁷⁵.

Сенаторы не оставили доношение без внимания. Уже 20 сентября было принято решение об отстранении Семена Акишева от должности и вызове его для допроса в Сенат. 25 сентября в Великий Устюг за комиссаром выехал сенатский подьячий Евсений Говорков.

Дальше события приняли неожиданный поворот: комиссар Семен Матвеевич ехать в Москву отказался. Как сообщил в Сенат 10 ноября Е. Говорков, «он, комиссар, сказал, что к Москве не едет и указу не послушает, для того что отпущен (назначен. — *Авт.*) от губернатора, а не от Сената... И он, подьячий, велел ево, комисара, посланным драгунам взять. И он, комиссар, учинился государеву указу силен*, от драгун отбился»⁷⁶.

Крайне самоуверенное поведение Семена Акишева было не случайным. Комиссар рассчитывал на поддержку своего руководства. Благоволивший к Семену Матвеевичу глава Архангелогородской губернии вице-губернатор А. А. Курбатов и в самом деле решительно вступился за подчиненного и отказался выслать его в Сенат. Иными словами, в ходе разгоревшегося вокруг С. М. Акишева бюрократического конфликта вице-губернатор Алексей Курбатов отказался признать юрисдикционные полномочия Правительствующего сената по отношению к государственным гражданским служащим Архангелогородской губернии.

Все, что сенаторы смогли противопоставить самовластию вице-губернатора, — это направить в губернию лицо с более высоким служебным статусом, нежели подьячий Евсений Говорков. 19 июня 1713 года Сенат командировал в Архангельск стольника С. Е. Пашкова. В его задачу входило произвести проверку обстоятельств уголовного дела, возбужденного устюжскими фискалами против Семена Акишева.

Однако и Семену Пашкову не удалось преодолеть сопротивление губернских чиновников. Стольник был оста-

* То есть отказался исполнять.

новлен в Вологде ландрихтером* И. Ф. Нахаловым, который отказался принять у него подорожную, не дал солдат для рассылок, а заодно воспрепятствовал аресту нескольких подозреваемых⁷⁷. Впрочем, к тому времени криминальные сюжеты, связанные с руководящими должностными лицами Архангелогородской губернии, уже не исчерпывались делом С. М. Акишева.

Дело в том, что в феврале 1713 года уже сам А. А. Курбатов известил Петра I о крупномасштабных махинациях командированного из Москвы в Архангельск обер-комиссара Дмитрия Соловьева при установлении цен на товары казенного экспорта, об организованной им незаконной хлебной торговле и неуплате таможенных пошлин⁷⁸. По всей очевидности, Алексей Курбатов надеялся, что следствие по делу обер-комиссара будет поручено именно ему. Однако царь не вдохновился идеей передать расследование особо важного уголовного дела региональному администратору, да еще в лице столь склонного к самоуправству вице-губернатора. Вместо этого 25 июля 1713 года была учреждена упомянутая следственная канцелярия «маёра от гвардии Волконского».

В именном указе от 25 июля 1713 года говорилось, что гвардии майору надлежит произвести исключительно досудебное разбирательство обвинений против архангелогородских администраторов, а затем доставить само дело и обвиняемых («которые тому делу будут виноваты») в Санкт-Петербург. В остальном деятельность руководителя канцелярии никак не регламентировалась с процессуальной стороны — кроме отмеченного выше закрепления за ним права самостоятельно принимать решения о пытке подследственных**.

27 июля в дополнение к указу секретарь царя А. В. Макаров направил руководителю канцелярии письмо с изложением дополнительных высочайших указаний. Первое из них заключалось в запрете предпринимать какие-либо следственные действия в отношении вице-губернатора А. А. Курбатова, а второе — в необходимости соблюдать, в современном понимании, тайну следствия («и сие изволь хранить тайно»)⁷⁹.

* Помощник губернатора по судебным вопросам.

** Это являлось значительным отступлением от старомосковской традиции, по которой применение пытки к должностным лицам выше подьячего санкционировалось по меньшей мере руководителем центрального административно-судебного органа.

Деятельность канцелярии ведения князя Михаила Ивановича оказалась, однако, не вполне успешной. Для начала М. И. Волконский сумел в сжатые сроки и в полном объеме провести расследование дела комиссара Семена Акишева, в ходе которого в основном подтвердились вскрытые фискальской службой эпизоды его преступной деятельности. Достаточно сказать, что для изобличения Семена Матвеевича и его команды следственной канцелярией князя Михаила Ивановича были допрошены 219 (!) местных жителей, «которых били и мучили, и грабежом взятки брали», а также «во свидетелство в улику» проведены 174 (!) очные ставки⁸⁰.

Семену Акишеву, некогда ощущавшему себя «хозяином» Устюжского уезда, грозившему фискалам, что «велит их шпагами колоть до смерти», довелось хлебнуть лиха за попустительство бесчинствам подчиненных и вымогательство взяток. К слову сказать, в данном случае С. М. Акишев нарушил и прямые указания вице-губернатора.

Как открылось в ходе следствия, перед направлением в Устюжский уезд А. А. Курбатов выдал Семену Акишеву в июле 1711 года особую инструкцию, в которой специально предписал «смотреть прилежно» за подчиненными ему подьячими и солдатами, «дабы от них народного и никакого никому разорения и обид не было, чтоб за них было не причтено ево неусмотрению. И сам управляя, бояся бога и царских законов, усматривая во всем истины»⁸¹.

В ходе расследования М. И. Волконского Семену Матвеевичу «причлось» многое. Находясь под следствием, комиссар предпринял даже попытку суицида. Как отмечено в одной из записей следственного дела, «в третий застеноч* [С. М. Акишев] привожен и роспрашиван, а не пытан, для того что был болен: преж застенка резался по горлу и по брюху в трех местах»⁸².

Однако затем направленность следствия изменилась. Поскольку Д. А. Соловьев был неформально, но тесно связан с герцогом Ижорским светлейшим князем А. Д. Меншиковым, Михаил Волконский предпочел не проявлять излишнего рвения в расследовании махинаций обер-комиссара. Вместо этого, видимо в угоду Александру Меншикову, М. И. Волконский (вопреки высочайшему указанию от 27 июля) взялся за сбор материалов против излишне ретивого вице-губернатора А. А. Курбатова.

* То есть на третий допрос под пыткой.

Превращение Алексея Курбатова из инициатора следствия в обвиняемого происходило неспешно, но необратимо. В январе 1714 года царь отстранил вице-губернатора от должности, а в мае того же года дал наконец Михаилу Волконскому санкцию расследовать «дело преступления Курбатова»⁸³. Что же до временно отстраненного от должности Дмитрия Соловьева, то он был в том же мае, наоборот, возвращен к исполнению обер-комиссарских обязанностей.

Однако не дремали и противники М. И. Волконского в правительственных сферах. Еще в конце 1713 года руководитель фискальской службы Москвы А. Я. Нестеров направил Петру I доношение, в котором обвинил Михаила Ивановича в «худых и указу противных делах», в частности во взятках с поморских жителей. Заодно выразив готовность в дальнейшем представить царю более подробные сведения, уличавшие гвардии майора. Собственноручная резолюция Петра I была краткой: «Приготовляй к зиме»⁸⁴.

Кроме того, 21 сентября 1714 года к воротам Устюжской провинциальной канцелярии было подброшено адресованное новому архангелогородскому вице-губернатору гвардии капитану П. Е. Лодыженскому подметное письмо, в котором Михаил Волконский обвинялся также в том, что «в бытность на Устюге... народу чинил великое раззорение и со многих брал взятки». Это письмо было переправлено вице-губернатором в Сенат 26 октября⁸⁵.

Князя Михаила Ивановича компрометировал, как мог, и лишившийся из-за него должности А. А. Курбатов. Обладавший литературными наклонностями, Алексей Александрович описывал моральный облик гвардии майора в апокалиптически мрачных тонах: «Он, Волконской, царского повеления... преступник, его величества вымышленной оболгатель*, указам его государевым непослушник, многих государственных интересов повредителям лукавой прикрыватель, и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца и мститель, злодейственный, вор и коварный составщик** и лакомый мздоимец, и давно обыклый ябедник и ученик богопротивного волшебства, для которого держал он у себя бабу волшебницу»⁸⁶. Учитывая, впрочем, что М. И. Волконский выявил все же ряд эпизодов получения Алексеем Курбатовым взяток и

* То есть автор заведомо ложных доношений главе государства.

** Составитель фальшивых документов.

превышения им должностных полномочий, приведенные строки вряд ли имеет смысл воспринимать буквально.

Как бы то ни было, изрядно затянувшаяся архангелогородская миссия Михаила Волконского чем дальше, тем больше вызывала недовольство главы государства. Неоднократно получавший от царя указания поскорее завершить расследование, Михаил Волконский был, в конце концов, отозван в столицу достаточно резким письмом Петра I от 17 марта 1715 года⁸⁷. Вскоре именным указом от 27 января 1716 года Михаил Иванович сам был отдан под следствие следственной канцелярии гвардии капитана Г. И. Кошелева и дьяка Ф. Д. Воронова⁸⁸.

Одновременно следственная канцелярия Герасима Кошелева и Федора Воронова возобновила в полном объеме расследование дела Д. А. Соловьева. Генерал-фельдмаршал А. Д. Меншиков, чья репутация в глазах царя изрядно пошатнулась в связи с разоблачением в 1715 году «подрядной аферы» (о ней еще будет рассказано), теперь уже не мог с прежним успехом прикрывать своего фактотума. Это было началом злключения князя Михаила Волконского.

Впрочем, поначалу Александр Данилович все же пытался как-то посодействовать гвардии майору М. И. Волконскому. Как явствует из «Юрнала» повседневных занятий светлейшего князя (который его личная канцелярия вела по образцу «юрналов» царя), 26 октября 1716 года он посетил дом своего «маршалка»* Федора Соловьева. Повод был законный: именины родного брата Федора Алексеича, коим являлся обер-комиссар Дмитрий Соловьев.

В роскошные каменные палаты Ф. А. Соловьева на Васильевском острове⁸⁹ в числе иных гостей прибыли глава следственной канцелярии Герасим Кошелев и... «маеор от гвардии князь Волконской»⁹⁰. Так гвардии капитан Герасим Иванович очутился за одним столом сразу с двумя своими подследственными. Нечего и говорить, что за приглашением в дом Федора Соловьева стоял А. Д. Меншиков, имевший тогда — в период длительной зарубежной поездки царя — *de facto* неограниченную власть в столице. В такой вот обстановке порой велись расследования 300 лет назад.

Состав инкриминированных М. И. Волконскому деяний на сегодня окончательно не прояснен. Поиски материалов как следственного, так и судебного производств по

* То есть дворецкого (гофмаршала), наемного управляющего домом и частным хозяйством.

делу Михаила Волконского, предпринятые в фондах трех федеральных архивов, оказались к настоящему времени безрезультатными. Последние выявленные сведения о судебном деле князя Михаила Ивановича находятся в реестре дел, хранившихся в личной канцелярии Петра I, которые бывший кабинет-секретарь А. В. Макаров направил в сентябре 1727 года в Верховный тайный совет.

Одним из пунктов реестра значится: «1717 [год]. ...Крейсрехт* над майором гвардии Михаилом Волконским, держанный в делах Алексея Курбатова с Соловьевым и прочих в неисpravлении по данным пунктам»⁹¹. Помимо приведенных сведений реестра, об обвинениях, выдвинутых против Михаила Волконского, возможно судить лишь еще по нескольким кратким упоминаниям, разбросанным по архивным документам. В частности, в документе 1726 года, подготовленном в сенатской канцелярии, упоминалось, что М. И. Волконский был осужден «за неправой суд** и преступление указов»⁹².

По всей очевидности, Михаил Волконский был обвинен в свертывании (в нарушение именного указа от 25 июля 1713 года) расследования против Д. А. Соловьева, в частичной фальсификации дела против А. А. Курбатова, а также во взятках с поморских жителей. О ходе расследования уголовного дела М. И. Волконского сохранились лишь единичные сведения.

Известно, что поначалу князь Михаил Иванович (рассчитывая, быть может, на более действенную поддержку Александра Меншикова) отказывался являться на допросы, не передал в канцелярию Г. И. Кошелева ряд документов из расследовавшихся им дел. Учитывая непростую, мягко говоря, обстановку, Герасим Иванович доложил о ситуации главе государства.

Петр I отреагировал незамедлительно и резко. 28 декабря 1716 года сопровождавший государя в зарубежной поездке гвардии подполковник князь В. В. Долгоруков на-

* То есть «кригсрехт», военный суд. По верному замечанию историка права О. И. Чистякова, утверждение в российском законодательстве термина «кригсрехт» является примером использования «французско-нижегородского или, вернее, немецко-нижегородского диалекта». В переводе с немецкого кригсрехт — это военное право, а не военный суд. Точная калька с термина «военный суд» (*Kriegsgericht*) должна была звучать как «кригсгерихт».

** В данном случае подразумеваются предпринятые Михаилом Волконским следственные действия.

правил Герасиму Ивановичу письмо, в котором передал высочайшее указание принудительно изъять у М. И. Волконского все остававшиеся у него материалы «архангельского дела», а его самого — в случае дальнейшего уклонения от участия в следственных действиях — взять под стражу («взять в канцелярию и держать за караулом»)⁹³.

Впрочем, насколько возможно понять, столь суровая мера пресечения в отношении гвардии майора следственной канцелярией не избиралась. О том, что Михаил Иванович не находился под стражей до самой передачи его дела в суд, свидетельствует подготовленная им пространная записка («доношение») о «винах» А. А. Курбатова, к которому гвардии майор испытывал, по всей очевидности, глубокую личную неприязнь. Формально адресованное «благородным господам судьям* полковнику Герасиму Ивановичу Кошелеву да дьяку Федору Воронову» доношение было подписано М. И. Волконским 11 ноября 1717 года⁹⁴, а уже 12 ноября подано им лично (!) царю⁹⁵ (прибывшему в Санкт-Петербург из-за рубежа 9 октября⁹⁶).

Несмотря на то что Петр I ознакомился и с представленным доношением, и с приложенными к нему материалами и даже наложил резолюцию «Исследовать»⁹⁷, участи Михаила Ивановича это не переменяло. По фантастическому совпадению в тот же самый день 11 ноября гвардии подполковник князь Василий Долгоруков направил командовавшему гвардией подполковнику князю П. М. Голицыну письмо с изложением высочайшего указания о вызове в Санкт-Петербург четырнадцати офицеров Преображенского и Семеновского полков⁹⁸. Судя по всему, именно из этих офицеров несколько позднее и был образован кригсрехт, перед которым предстал Михаил Волконский.

Тогдашние военные суды (те самые «кригсрехты») представляли собой временные коллегиальные судебные присутствия, формировавшиеся из строевых военнослужащих для рассмотрения уголовных дел по обвинению их сослуживцев. Поскольку Михаил Волконский служил в гвардии, судить его должны были офицеры Преображенского и Семеновского полков.

Между тем процесс над князем Михаилом Ивановичем являлся всего лишь вторым в XVIII веке случаем, когда под

* В данном случае Михаил Иванович использовал термин «судья» в архаичном значении, в котором термин означал руководящее должностное лицо любого органа государственной власти.

судом оказался гвардейский офицер. Причем обвиненный в совершении отнюдь не воинского преступления.

В 1712 году за взятки был отдан под суд поручик Преображенского полка Н. Т. Ржевский. Выходец из многократно ветвившегося старинного рода (восходившего к смоленским удельным князьям), поручик Никита Ржевский был в октябре 1707 года направлен Петром I в союзную Речь Посполитую на должность российского коменданта Полоцка⁹⁹. Никите Тимофеевичу, получившему под команду небольшой гарнизон, предстояло наглухо перекрыть со своего направления сухопутную и речную доставку в шведскую еще тогда Ригу товаров и продовольствия.

Однако с выполнением государева поручения дело у Никиты Тимофеевича не заладилось. Воспользовавшись относительно автономным положением, он занялся неумным личным обогащением. Избрав в качестве посредника некоего «полоцкого жида» Авраама Рубанова, потомок удельных князей принялся вступать в переговоры с купцами, регулярно предоставляя некоторым из них (разумеется, не безвозмездно), выражаясь по-современному, «зеленый коридор» в сторону Риги.

11 июня 1712 года обвиняемый Никита Ржевский подал царю повинную челобитную, в которой признал факт пропуска в Ригу за взятки шести купеческих судов с товарами. В качестве смягчающих вину обстоятельств Никита Тимофеевич указал гибель на государственной службе своих отца и деда*, а также полученные им самим ранения¹⁰⁰.

Для рассмотрения дела Н. Т. Ржевского в июле 1712 года в летнем войсковом лагере под Санкт-Петербургом был создан кригсрехт под председательством генерал-майора А. А. Головина. 16 июля военные судьи единогласно приговорили Никиту Ржевского за получение взяток к смертной казни¹⁰¹.

Поскольку приговор строевому офицеру вступал в законную силу только после утверждения царем, материалы кригсрехта в сентябре были направлены Петру I¹⁰². Окончательное решение судьбы Никиты Тимофеевича затянулось. Царь определился с приговором лишь в апреле 1714 года.

* Дед Никиты Ржевского, окольный Иван Иванович, погиб 3 августа 1677 года при обороне Чигирина, отец — стольник Тимофей Иванович, состоявший в должности воеводы Астрахани, был убит 30 июля 1705 года восставшими стрельцами и горожанами.

По высочайшей воле смертная казнь была заменена Н. Т. Ржевскому на наказание кнутом, конфискацию имущества и бессрочную ссылку в Сибирь. В том же апреле в Санкт-Петербурге бывший гвардии поручик перед строем полка был «кладен на плаху к смертной казни, и по свободе от смерти учинено наказание, бит кнутом», а затем отправлен под конвоем к месту ссылки¹⁰³.

В случае с Михаилом Волконским приговор кригсрехта был так же беспощаден: смертная казнь с конфискацией имущества. Поскольку для постановления приговора в 1717 году российский военный суд мог использовать единственный законодательный акт — Артикул воинский редакции 1715 года¹⁰⁴, можно предположить, что обвинения, предъявленные М. И. Волконскому, были квалифицированы по 27-й статье Артикула — умышленное неисполнение приказа «начальника своего». Названная статья предусматривала единственную санкцию — смертную казнь¹⁰⁵.

Впрочем, шанс сохранить жизнь у Михаила Ивановича оставался. Петр I имел обыкновение смягчать приговоры лицам, имевшим боевые заслуги. Тем более когда осужденным являлся трижды раненный старший офицер гвардии. По всей очевидности, Михаил Волконский надеялся именно на такой исход дела: он не мог не помнить о сравнительно недавнем помиловании преображенца Никиты Ржевского.

В этот раз, однако, смягчения приговора не последовало. Вместо этого 8 декабря 1717 года царь собственноручно написал указ о публичном объявлении о предстоящей казни «бывшего маеора Волхонского». 9 декабря в царском «Юрнале» появилась лаконичная запись: «Была кара князь Михаилу Волконскому»¹⁰⁶.

Согласно дипломатическому донесению осведомленного французского посланника Анри де Лави (Henri Lavie), «князь Волконский был казнен в прошлый понедельник... Тело его было выставлено в продолжение суток»¹⁰⁷.

Из приведенных свидетельств неясно, однако, в какой именно форме был казнен М. И. Волконский. Да и в челобитной матери Михаила Ивановича, княгини Дарьи Ивановны, от января 1718 года было упомянуто лишь о том, что «по содержанному криксрехту и по Военному... артикулу... учинена сыну моему смерть»¹⁰⁸.

Единственное упоминание о форме казни Михаила Ивановича удалось выявить в документе, составленном десятилетие спустя. В челобитной, поданной в июле

1728 года, бывший устюжский комиссар Семен Акишев между иного упомянул о судьбе своего следователя: «И по изследовании о нем в Санкт-Питербурхе в [1]717 году кажен смертью, розстрелян»¹⁰⁹.

Расстрел являлся принципиально новой для тогдашней России формой смертной казни, впервые нормативно закрепленной в статьях 6, 36, 41 и 46-й Артикула воинского*, а потому применявшейся исключительно к военнослужащим. Каких-либо известий о процедуре исполнения этой формы казни в первой четверти XVIII века встретить к настоящему времени не удалось. Процедуру расстрела представилось возможным реконструировать по немецкой гравюре, содержащей аллегорическое изображение военной юстиции (*Iustitia militaris*). Гравюра эта помещена перед титульным листом в публикации актов военного законодательства и комментариев к ним, вышедшей в свет в 1657 году во Франкфурте-на-Майне¹¹⁰.

В средней части гравюры изображена сцена расстрела: осужденный стоит, привязанный к столбу, а расстрельная команда находится очень близко от него, готовясь дать залп почти в упор. Принимая во внимание отсутствие на тогдашних ружьях каких-либо прицельных приспособлений, подобное расположение команды вполне объяснимо.

Таким образом, учитывая топографию столичной Троицкой площади в 1710-е годы и публичность казни, можно предположить, что князь Михаил Иванович встретил смерть, будучи привязан к столбу, врытому у края площади, обращенной к Неве. Напротив того места, где за 12 лет до того капитан Михаил Волконский во главе абордажной партии атаковал «Гедан» и «Астрильд». Несмотря на то что в тот день, согласно «Юрналу» А. Д. Меншикова, был «ветр великой с метелицею»¹¹¹, осужденного вывели на казнь, вероятнее всего, без верхней одежды, в одном мундире. Поскольку знаков различия в тогдашней российской армии еще не было, погон с разжалованного Михаила Ивановича не срывали и каких-либо нарукавных нашивок не спарывали. Приговор привели в исполнение 5—6 гвардейских солдат, выстроенных в шеренгу в нескольких метрах от осужденного.

Согласно упоминавшемуся донесению А. де Лави, Петр I «на следующее утро... пошел на площадь, где, по обычаю,

* Во всех этих статьях использовался термин «аркебузировать», который являлся калькой с немецкого *arkebusieren*. В статье 46-й термин этот пояснялся: «аркибузировать (розстрелять)».

лежало тело покойного спиной вверх. Он собственноручно обернул его... и приказал похоронить»¹¹². Как явствует из цитированных строк, после казни тело М. И. Волконского было отвязано от столба и положено на землю.

Между тем 9 декабря был издан именной указ об учреждении шести новых следственных канцелярий, руководителю каждой из которых царь вручил собственноручно подписанный Наказ — первый нормативный акт, в котором закреплялось выделение стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе. В единственной уголовно-правовой норме, внесенной в Наказ, определялась ответственность следователей канцелярии за совершенные при осуществлении расследования преступления против интересов службы. За это следователям грозила единственная санкция — смертная казнь.

Как было указано во вступительной части Наказа, «ежели ж какая мана*, взятки или иная правды лишенная причина сыщется, то без всякой пощады лишены будете живота и чести (ибо пример видите бывшего маеора Волконского)»¹¹³. «Пример бывшего маеора Волконского» следователи новоявленных канцелярий (почти все из которых являлись офицерами гвардии) могли, впрочем, «видеть» в прямом смысле слова.

Учитывая особенности характера Петра I, имеются все основания полагать, что те самые офицеры, из которых был образован кригсрехт, осудивший Михаила Волконского, были затем назначены руководителями («презусами») и ассессорами следственных канцелярий. И списки Наказа будущий император вручил «господам штап- и обор-афицерам» либо непосредственно на месте расстрела Михаила Волконского на Троицкой площади, либо в первые часы после него.

Таким образом, казнь первого следователя России носила в значительной мере показательный, демонстративно устрашающий характер. Вместе с тем нельзя не отметить, что расстрел в XVIII — начале XX века являлся наиболее «почетной» для военнослужащего формой смертной казни¹¹⁴. Учитывая, что в статье 27-й Артикула воинского редакции 1715 года форма смертной казни не конкретизировалась, назначение князю Михаилу Волконскому в качестве санкции именно расстрела можно трактовать как меру (хотя и чисто символическую) в пользу осужденного.

* Пристрастие.

Представляется, что казнь Михаила Волконского была адресована в качестве устрашающей меры не только будущим презусам и ассессорам следственных канцелярий, основанных 9 декабря 1717 года. Дело в том, что менее недели спустя, 15 декабря, Петр I собственноручно начертил крайне важный документ — указ о назначении руководителей коллегий¹¹⁵, принципиально новых органов центрального управления России.

Согласно указу президентом Военной коллегии определялся давний покровитель Михаила Волконского А. Д. Меншиков, в повседневном «Юрнале» которого казнь Михаила Волконского оказалась почему-то не упомянута ни словом, хотя Александр Данилович никак не мог на ней не присутствовать.

А ведь, как уже отмечалось, составитель «Юрнала» описал даже погоду, которая была в столице 9 декабря. Не захотел почему-то Александр Меншиков иметь в своем «Юрнале» запись о казни «бывшаго маеора Волхонского».

Зато история с М. И. Волконским неожиданно всплыла пять лет спустя, когда 31 октября 1722 года на заседании Правительствующего сената разгорелась нешуточная перепалка между светлейшим князем Александром Даниловичем и бароном Петром Шафировым. Как явствует из сохранившегося в архиве протокола заседания, Петр Павлович выкрикнул тогда в адрес А. Д. Меншикова весьма примечательную фразу: «Я... за тебя, как Волконской и князь Матвей Гагарин, петли на голову не положу!»¹¹⁶ И хотя Михаила Волконского (в отличие от М. П. Гагарина) не повесили, аллегорический смысл сказанного от этого не меняется.

Насколько удалось установить, следующая казнь гвардейского офицера состоялась в Российской империи лишь 14 лет спустя после событий 9 декабря. В 1734 году был обезглавлен бывший однополчанин М. И. Волконского отставной капитан Ульян Шишкин. Правда, состав преступления был совсем иным. Ульян Андреевич (страдавший, не исключено, помрачением рассудка) усомнился в легальности пребывания на престоле императрицы Анны Иоанновны, прилюдно заявив, что ее «изобрали, погреша в том пред богом» и что «ныне императрица Елисавет*» (!)¹¹⁷.

* То есть Елизавета Петровна, младшая дочь покойного Петра I, являвшаяся на тот момент цесаревной (на престол вступила в ноябре 1741 года).

Что остается добавить в заключение? Думается все же, что Петр I испытывал впоследствии некое сокрушение в связи с решением не сохранять жизнь заслуженному боевому офицеру князю М. И. Волконскому. И об этом свидетельствует не только приход государя на следующий день к телу казненного. 11 марта 1718 года Петр I указал вернуть матери и вдове Михаила Ивановича часть его конфискованной земельной недвижимости. С примечательной оговоркой: «Другим не в образец»¹¹⁸.

Место погребения Михаила Волконского неизвестно.